

О ПОЭЗИИ ВЕРЫ ПАВЛОВОЙ

Скорость слова

Илья Фаликов

У ВЕРЫ ПАВЛОВОЙ сказано: «одну великолепную цитату// неточностями можно оживить». Ей удается прямо противоположное: редкостная точность. Неспроста, вероятно, учитель физики выгонял девочку Десяткову (девичья фамилия Павловой) из класса за то, что она знала физику лучше, чем он. Впрочем, думаю, тот учитель оскорблялся по другому поводу, и не исключено, что между ними отрицательно происходило то же самое, что с ее учителем музыки: взаимоотношения сердец.

Здесь сам собой возникает вопрос об учителях Павловой, на сей раз — в поэзии. Но вопроса как такового нет. Жить в конце того века, начало которого украшено юной Ахматовой, для женщины-поэта — обреченность на вечную зависимость от нее. С учетом долготы ахматовского человеческого и поэтического времени эта обреченность неотвратима.

Однако то стихотворение, где сказано о неточностях, начинается как раз намеком на Мандельштама: «Подумай: Лета, напиши: Россия». Поскольку «великолепная цитата» — тоже цитата (из Ахматовой), эта литучеба не упирается в один образец, даже если он саркастически опровергаем (насчет стенки лифта), и Пушкин-матрешка, в котором — Байрон да Державин, а в остатке все равно Пушкин, у Павловой возникает с абсолютной точностью.

Ибо, что бы ни происходило в нынешних стихах, поэт так или иначе выясняет отношения с традицией, и у Павловой дело идет

в сторону традиции, а может быть, она и не выходила из нее.

Попросту — она делает то же, что и все, только наоборот. У нее есть персонаж по имени *Матушка Наоборот* (видимо, Смерть), и она прекрасно знает, что работа поэта — это яростное *поперек* действия этой Матушки, удвоенное, удесятеренное Наоборот. Цветаевский максимализм не остался без последствий. Такой характер для русского поэта — вещь совершенно традиционная, это та незыблемая тема, в которую каждый вносит свою рему: новое.

Многим читателям Павловой блазнится, что ее новизна — в «тайнах пола». По верхнему слою это действительно так. Но про соитие, аборт и менструацию писали давно и многие поэтессы, в качестве темы все это давно уже поточное производство. У Павловой — все-таки иное: она говорит обо всем на свете как в первый раз, прекрасно помня о том, что говорилось до нее. Вот у Ахматовой: «Настоящую нежность не спутаешь...», все помнят, что там дальше: «Ты напрасно бережно кутаешь// Мне плечи и грудь в меха», и ее вправду не спутаешь с нежностью, о которой говорит Павлова: «Нежность не жнет, не сеет, духом святым сята.// Что же она умеет?// Только снимать с креста.// Тут не нужна сила —// тело его легко// настолько, что грудь заныла,// будто пришло молоко».

Это действительно аналитическая лирика, как говорил Бродский о Боратынском. Лиризм с точными мозгами. Это лирик, сознательно сохраняющий в себе ребенка, именующий себя «вечнозеленой», поющий «детские песни», желающий «изменяться, чтобы остаться такой, как в семнад-

цать, до тридцати шести». Головная программа? Может быть. Но у Павловой — получается, вот что удивительно.

Ее «Интимный дневник отличницы» — великолепный самоанализ, поражающий точностью лирического воспроизведения всего того, что наглухо остается в нашем детском прошлом. Кроме того, ее «Дневник» — очень сильная повесть-хроника о жизни советской интеллигентской семьи. Очень важное признание: «Но все равно моей самой любимой книгой всех времен и народов останется «Дневник» Анны Франк». Важно и это: «Все равно я никогда не поверю, что, кроме тела, у меня ничего нет».

Павлова пишет (это уже не совсем стихи): «Выбрать на поверхности реки предмет и вести его взглядом, не срываясь, не проскакивая, не опережая реку. Вот так и надо читать: со скоростью строки». Надо с ней согласиться и читать ее надо медленно, ибо скорость ее строки, при всем лаконизме, не претендует на рекорды. Ее умный стих требует неспешной читательской отдачи. В ее акцентном стихе много, как ни странно, от Маяковского и напрашивается на лесенку. Похоже, и павловский физиологизм идет откуда-то оттуда, из I тома футуристического апаша. В конце концов вечная подростковая — не самый страшный грех для поэта. Хуже, если грех становится приемом, то есть профессией. Это та опасность, которая как минимум скучна.

Павлова определяет поэзию как «песню летучей рыбы на суше», причем сия рыба — мелкая плотвичка, «которую сушим// на веревке, рядом с плавками», та плотвичка, которая «ссыхается до полусухозеления».

Ссыхается? У Веры Павловой — наоборот.

Поэт расписывает ширмы.
Фото Валерии Балод

Независимая газета, — 2000.
— 2 марта. — с. 13

143

2 марта 2000г.

Павлова Вера